

Юрий Буковский

А ГДЕ ЖЕ

РАККИ-ТО

ЗИМЮТ?

Юрий Буковский
А где же раки-то зимуют?

«Автор»

2014

Буковский Ю. А.

А где же раки-то зимуют? / Ю. А. Буковский — «Автор», 2014

«В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве жил да проживал царь-государь. И было у него три сына. Старший сын – умница. Ещё, как говорится, пешком под стол замахивал, ещё поперёк лавки, при порке, если случалось, бывало, распластывался, а счёт до ста, уже, как свои пять пальцев назубок твердил. Средний парнишка-умелец, руки золотые. С пелёнок, можно сказать, и швец он, и, как водится, жнец. А вот на дуде, не игрец вышел. Медведь-то средненькому в колыбели ещё на ухо-то наступил. Да и не наступил – всеми четырьмя лапами, можно сказать, по ушам прошёлся! А вот игрец-то, как раз, оказался младший...»

© Буковский Ю. А., 2014

© Автор, 2014

Юрий Буковский

А где же раки-то зимуют?

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил да проживал царь-государь. И было у него три сына. Старший сын – умница. Ещё, как говорится, пешком под стол захаживал, ещё поперёк лавки, при порке, если случалось, бывало, распластывался, а счёт до ста, уже, как свои пять пальцев назубок твердил. Средний парнишка-умелец, руки золотые. С пелёнок, можно сказать, и швец он, и, как водится, жнец. А вот на дуде, не игрец вышел. Медведь-то средненькому в колыбели ещё на ухо-то наступил. Да и не наступил – всеми четырьмя лапами, можно сказать, по ушам прошёлся! А вот игрец-то, как раз, оказался младший. А тот, мало, что на дуде – и на гармониях, и на балалайках, и свист-то художественный – прям соловей! И на ложках, будто дятел по сухостою в лесу. И певец-то он, и плясун, и под гусли балагур-сказитель (рэпер по-нонешнему). В общем, во всём царстве-государстве, хоть днём с огнём, хоть по самым пыльным углам-сусекам факелами свети, только зря смолы нажжёшь – он один первый на всех праздниках и гулянках, и даже между красных дат в календаре, заводила.

И вот спозаранку, бывалоча, старший – в архив, аль в библиотеку дворцовую. Порты на лавках казённых над книжками-мемуарами протирать с усердием. Средний – в кузню, аль в лабораторию. Плуг с бороной к ковру-самолёту приклёпывать. Аль, метлу, Бабкину-ёжину в швабру-смётку самоуборочную перепрограммировать. Метёлку-то эту у старушки мытари царские изъяли. За недоимки коммунальные из избушки-на-курьих-ножках, так сказать, вынесли. А младшенький слюньки по наволочке крахмальной распустит, и снами разноцветными любитесь! А всё потому, что вечером-то у отпрысков государевых, всё, как говорится, ровным счётом на сто восемьдесят наоборот. Старший со средним молитву перед образами прогундосят усталые, да и по опочивальням – до утра мышей храпом распугивать. А младшенький до свету за дворцовой околицей на гармонике, да на балалайке наяривает. Ну, прям человек-оркестр! А вокруг парни, да девки – камаринские всякие выплясывают, частушками непотребными перебрасываются, а то и хуже того – в хороводах в обнимку лобызуются.

Всяко царь огольца своего к трудовой, так сказать, дисциплине, и к производственной, можно сказать, деятельности приваживал. И страшал, и в довольно крепких, случалось, выражениях. И сапожищами венченосными по паркету ореховому на него топотал. И кулак монархический оболтусу своему в носопырку нюхать подсовывал. Даже скипетром державным по столешнице яхонтовой от безысходности педагогической, бывалоча, дубасил. Да так, что чуть не расколотил её, пару раз, драгоценную вдребезги. Даже на горох в палатах царских на позор посланникам иноземным, да ходокам из губерний танцора своего выставлял – на совесть давил. Ну, не гоже, что у самодержца неслух такой воспитывается! Раз, уж так сильно осерчал – в гауптвахту наследника заточил. Так тот и там – ансамбль песни и пляски из штрафников царской армии сварганил. Под аккомпонимент мисок оловянных коллектив выступал. С физиями, сажей от окурков размалёванными. Охрана со всех постов хохотать сбегалась. Десять суток – полный аншлаг! Освободили его, так вся тюрьма по нему не то, что плакала – рыдала!

Ну не выдержал царь. Ну, думает, родненький, я ж тебя всё ж таки проучу. Башка-то твоя садовая и не захочет, а сама собой поневоле до макушки умом-то разумом наполнится.

Снарядил он обоз с боярами, да дворянами. Тулупы овчинные подданным своим путешествующим выдал – дело было в мороз. Сам в передние сани под дохой медвежьей устроился, мальчика своего рядышком усадил. И наручнички-то на запястьях его беленьких, на всякий пожарный, защёлкнул. Чтоб не сбёг. И цепочкой кованой к оглобельке-то пристегнул. А вознице велел прямо на север путь править. Днём, чтоб солнце ему в оковерх малахая, для быстрой езды на затылок лихо заломленного, светило. А утром и вечером на Полярную звезду головной жеребец морду свою по приказу царскому должен был ровно держать, ни на каких кобылиц у дороги не заглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.